

УДК 821.111-1'255.2

А. А. Ивахненко

ОБРАЗ СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ДИКИНСОН: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ В ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: поэтический перевод, Эмили Дикинсон, образ смерти, образ успеха, передача образов, воссоздание образной системы

Объект нашего исследования – передача образов, характерных для творчества Эмили Дикинсон, во время перевода на русский язык, *предмет* – передача образа смерти, *материалом* послужили ее стихотворения № 67 и № 1065. *Актуальность* исследования подтверждается рядом работ, посвященных творчеству американской поэтессы, а *новизна*, на наш взгляд, состоит во всестороннем анализе образа смерти в английском и русском текстах произведения. *Перспективным*, на наш взгляд, может стать анализ воссоздания образной системы Э. Дикинсон на русском языке.

Success is counted sweetest	Not one of all the purple Host
By those who ne'er succeed.	Who took the Flag today
To comprehend a nectar	Can tell the definition
Requires soarest need.	So clear of Victory

As He defeated – dying –
On whose forbidden ear
The distant strains of triumph
Burst agonised and clear! [7]

1. Форма. Стихотворение состоит из трех четырехстиший. Использованный размер – трехстопный ямб с пиррихиями, система рифмы abcb. Автор применяет свойственное ему написание значимых слов с большой буквы.

2. Содержание. Первая же фраза, открывающая данное произведение, на первый взгляд парадоксальна: автор утверждает, что «Успех слаще всего для тех, кто никогда его не достигает».

Весь последующий текст лишь разворачивает эту мысль. Как известно, американское общество издавна диктует своим согражданам стремление к успеху, с той лишь небольшой оговоркой, что понятие «успех» (или, как сейчас все чаще говорят, «успешность») несколько меняется с течением времени: так, если во времена Эмили Дикинсон единственным достижением для женщины считалось удачное замужество, то теперь этого уже недостаточно. Вообще, согласно словарю С. И. Ожегова [6], «успех» означает «хороший результат», «общественное признание», «удачу в достижении чего-нибудь». И потому стремление достичь этого хорошего результата или добиться общественного признания вполне понятно: что может быть лучше, чем быть довольным своей работой или получить всеобщее восхищение? Однако здесь следует учитывать, что Э. Дикинсон воспитывалась в пуританской семье, что не могло не повлиять на ее характер. В исследовательской литературе пуритане описываются следующим образом: «Джон Гере в своем трактате “Характер старого английского пуританина или нонконформиста” (1646 г.) писал: “Всю свою жизнь пуританин проводит в битве, в которой Христос – его командир, его оружие, его молитвы и слезы. Крест – его знамя, а его девиз – *vinci qui patitur* (“тот, кто страдает, побеждает”)» [5]. Л. А. Асланов в своей книге «Культура и власть» [1], ссылаясь на Г. Хилла, отмечает следующее: «Пуритане объявили главным из всех жизненных устоев труд, заявив, что будут спасены только души деятелей, творцов материальной жизни и не за их труд, а их трудом. Труд спасает душу». И хотя после возвращения из колледжа Эмили Дикинсон почти не появлялась в церкви, семейное воспитание и окружение, несомненно, оказало свое влияние на ее мировоззрение (достаточно проследить тематику ее стихов, в подавляющем большинстве которых так или иначе заходит речь о Боге), а потому можно предположить, что для нее интерес представлял не столько достигнутый успех, сколько сам процесс его достижения.

Любопытным представляется нам развитие понятия «успех»

в данном стихотворении. Так, в первой строфе он сравнивается своей сладостью с «нектаром» (*nectar*), относя нас к древнегреческой мифологии, согласно которой нектар – напиток богов; а во второй и третьей строфах при описании успеха поэт уже использует параллель с битвой, приравнивая, таким образом, успех и победу. Однако оба эти понятия вполне коррелируют: как пишет в своей диссертации Т. М. Гордиенко, «в сравниваемых языках идиомы, вербализующие концепт «успех», в одинаковой мере могут объединяться в такие тематические группы, как <...> “успех как победа”» [2, с. 6]. К тому же, в творчестве Э. Дикинсон немало стихотворений, посвященных войне и смерти на поле брани – например, стихотворение 126 (*To fight aloud, is very brave*), – и потому такое развитие сюжета – вполне в стиле поэта. Но кто же они в данном случае, эти воины, участвующие в битве, и за что они сражаются? В тексте они названы *the purple Host* («пурпурный сонм»). Следует отметить, что «пурпур» – цвет, ассоциирующийся с одеяниями христианских епископов и кардиналов; также это цвета одежд древнеримских императоров. Согласно христианскому вероучению, «царем царей» считается Христос; таким образом, можно сделать вывод, что «пурпурный сонм» Эмили Дикинсон – не что иное, как «Христово воинство». Под этим углом зрения становится ясно, что «победа», о которой говорит автор, – это победа над смертью.

В последней строфе описывается состояние павшего воина, который, умирая, слышит «агонизирующую и светлую мелодию триумфа». На наш взгляд, этот оксюморон подтверждает выдвинутое нами предположение: описанная в тексте ситуация прекрасно иллюстрирует евангельское выражение «смертию смерть поправ».

Таким образом, в оригинале стихотворения мы обнаружили следующие образы: *неизведанный успех как сладость; бог-воин; поражение как победа; боль=радость; успех=смерть*.

Теперь посмотрим, как эта система образов была воссоздана (и воссоздана ли вообще) в переводе А. Гришина.

Успех всегда так сладок, Не ведавшим его. Постигнуть вкус нектара Лишь страждущим дано.	Никто в пурпурном Воинстве, Поднявшем Флаг с земли, Не может смысл Победы Точней определить
--	--

Чем тот – сраженный – Воин,
Чей угасает слух,
К кому летит в агонии
Триумфа дальний звук! [7]

1. Форма. Стихотворение состоит из трех четырехстиший. Использованный размер – трехстопный ямб с пиррихиями. Система рифмы *abcв*. Как видим, формальные характеристики первичного текста А. Гришин сохранил. Особенности правописания Э. Дикинсон (заглавная буква в некоторых, по ее мнению, значимых словах) также передана.

2. Содержание. Первое, что хотелось бы отметить, – стиль целевого текста. Он получился достаточно возвышенным благодаря ряду архаичных лексем, использованных переводчиком, а именно: *ведавший*, *постигнуть*, *воинство*, *сраженный*. Вообще, русский вариант практически дословно передает английский, ср.: *Успех всегда так сладок* и *Success is counted sweetest*; *Никто в пурпурном Воинстве* и *Not one of all the purple Host*; *Чем тот – сраженный – Воин* и *As He defeated – dying*, соответственно. Разумеется, стопроцентно воссоздать текст оригинала на языке перевода невозможно, изменения на лексическом уровне неизбежны, и данный случай не исключение (одно слово *сраженный* вместо двух *defeated – dying* и два-три других, аналогичных момента); однако жаль потерянного повторения определения *clear*: в оригинале оно относится как к *definition of Victory*, так и к *distant strains of triumph*; в переводе же *clear* присутствует лишь в одном из своих значений и относится к определению Победы, в то время как *звук триумфа* остался лишь *дальним*. Не передана также еще одна особенность последней строфы, но «вину» за это, скорее, следует возложить на естественную разницу между языками: в английском использовано выражение *strains of triumph*, которое

можно толковать двояко — как «мелодию» или «напевы» триумфа и как «стихи» последнего. Второй вариант значения особенно заманчиво использовать для анализа, поскольку здесь видится намек на роль поэта (т. е. Э. Дикинсон?) в победе над врагом (соблазном?).

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод сохранил всю систему образов данного стихотворения, и в первую очередь — тождество успех = смерть.

Следующее стихотворение, также посвященное теме смерти, — № 1065 (*Let down the Bars, Oh Death*).

Let down the Bars, Oh Death —	Thine is the stillest night
The tired Flocks come in	Thine the securest Fold
Whose bleating ceases to repeat	Too near Thou art for seeking Thee
Whose wandering is done —	Too tender, to be told. [7]

1. Форма. В данном произведении две строфы по четыре строки каждая; использованный размер — трех- и четырехстопный ямб с пиррихиями; система рифмы abcb. Оформление произведения традиционно для Эмили Дикинсон: все две строфы представляют собой одно предложение, использованы тире и применено написание значимых, с точки зрения автора, слов с большой буквы.

2. Содержание. Если в предыдущем стихотворении смерть предстала читателям как синоним успеха, то здесь она парадоксальным образом отождествляется с загоном для скота, что становится ясно уже с первых строк первой строфы: *Let down the Bars, Oh Death — / The tired Flocks come in*. Однако если обратиться к христианской символике, становится ясно, что подобное отождествление вполне оправданно: ведь если Христос говорил о верующих как о своей пастве, а о себе как о «пастухе» (кстати, сбившихся с пути истинного до сих пор называют «заблудшими овечками»), — то образ, использованный Эмили Дикинсон, уже не кажется таким необычным. Но этот образ не единственный в тексте: смерть также предстает как покой для тела и мятущейся души человека, как

место, где больше не будет причин для жалоб (*bleating ceases to repeat*), откуда не захочется уходить (*wandering is done*). Вообще, идея смерти как благодатного покоя — одна из центральных идей христианства: «Душа праведного при смерти ликует, потому что после разлучения с телом желает войти в покой» [3]. Автор подчеркивает усталость человека от жизненных невзгод (*The tired Flocks*), желанность отдохновения, даруемого смертью (*Thine is the stillest night*), надежность и безопасность ее «загона» (*Thine the securest Fold*), близость (*near Thou art*) и нежность (*tender*) смерти. Исследователи давно замечали, что для Эмили Дикинсон тема смерти чрезвычайно близка и встречается в целом ряде стихотворений; однако именно стихотворение № 1065, на наш взгляд, наиболее полно и недвусмысленно передает отношение поэтессы к смерти. Образ смерти здесь предстает в двух ипостасях: во-первых, как уже было замечено, в качестве загона для скота, то есть некоего места; а во-вторых, владельца этого загона, который открывает ворота, впуская овец, заботится о безопасности отары, нежно ухаживает за животными.

Таким образом, в оригинале данного стихотворения смерть предстает в образе желанного отдохновения и покоя, а также в образе некоего высшего Существа, этот покой дарующего.

Теперь посмотрим, как этот образ был воссоздан (и воссоздан ли вообще) в переводе А. Гришина.

Открой Ворота, Смерть —	Твоя спокойна ночь,
Измученным Стадам	Твой безопасен Кров
Окончен путь, их голоса	Близка Ты — чтобы не искать,
Смолкают навсегда —	Нежна — превыше слов [7].

1. Форма. В переводе две строфы по четыре строки каждая; использованный размер — трех- и четырехстопный ямб с пиррихиями; система рифмы *abcb* (одна неточная — *Стадам/навсегда*). Оформление целевого произведения передает особенности, характерные для Эмили Дикинсон: все две строфы представляют собой одно предложение, использованы тире

и применено написание значимых, с точки зрения автора, слов с большой буквы (*Bars, Death, Flocks, Fold, Thou, Thee* – и *Ворота, Смерть, Стадам, Кров, Ты*, соответственно).

2. Содержание. Прежде всего, хочется отметить, что в этом переводе, как и в предыдущем, текст оригинала передан достаточно точно (ср.: *Let down the Bars, Oh Death* и *Открой Ворота, Смерть*), а иногда и абсолютно точно (*Thine is the stillest night* и *Твоя спокойна ночь*). Однако некоторые изменения все же были внесены в текст. Это в первую очередь касается архаичной формы местоимения «ты» и его производных форм в оригинале (*Thine, Thou, Thee* – кстати, такая форма подчеркивает древность смерти, а также может вызывать ассоциации с текстом Библии), переданных обычными *Твоя, Твой, Ты*. В той же, первой, строфе А. Гришин внес некоторые изменения в текст, а именно: определение *tired* было передано более сильным определением «измученный», в то время как с *bleating ceases to repeat* все произошло с точностью до наоборот: переводчик использовал более нейтральное выражение *голоса смолкают навсегда*. Опять-таки, *wandering* («странствия», «скитания») и *путь* не совсем равнозначны в стилистическом отношении. Однако если рассмотреть стиль всего целевого текста, то можно увидеть, что он выдержан достаточно точно: если в одном месте использована более нейтральная лексика, то в другом – более возвышенная; также для создания соответствующего стиля применяется инверсия и несколько архаичная лексика (*смолкают, кров, превыше*).

Перейдем к анализу образа смерти. В первой строфе целевого текста, как и в исходном, проводится параллель между смертью и загоном для овец. Смерть – это конец пути, конец жизненной муке. Однако если у Э. Дикинсон заканчивались «блуждания» и «жалобы», то у А. Гришина «умолкают голоса» и «оканчивается путь». Вообще, можно посмотреть на эту строфу с точки зрения отношения разных направлений христианства к «жизненному пути»: для православия характерно представление о жизни именно как пути от рождения к смерти,

т. е. достаточно прямолинейное. Для Э. Дикинсон же (возможно, в связи с ее принадлежностью к другой ветви христианства) жизнь — это «блуждания», т. е. путь не целенаправленный и не линейный, а, скорее, похожий на известные скисания евреев по пустыне под предводительством Моисея. Во второй строфе интерес вызывают последние две строки: *Too near Thou art for seeking Thee / Too tender, to be told* и *Близка Ты — чтобы не искать, / Нежна — превыше слов*, соответственно. В оригинале использованы инфинитивные конструкции в сочетании с герундием, в переводе — придаточное предложение причины и определение, выраженное наречием с существительным. Такая конструкция, с одной стороны, естественно выглядит в русском тексте, с другой — точно передает содержание оригинала. Еще один «плюс» такого перевода — возвышенность использованного стиля. Таким образом, образ смерти, как нежного и заботливого хозяина, в переводе сохранен.

В переводе данного стихотворения переводчик тоже сохранил особенности образной системы Э. Дикинсон (смерть — покой, смерть — загон, смерть — нежность, смерть — заботливый хозяин).

Проведенный анализ оригиналов и переводов позволяет нам сделать следующий вывод: А. Гришин сохраняет систему образов Э. Дикинсон, передает стиливые особенности ее произведений, при необходимости вводит архаичную лексику, выдерживает формальные характеристики исходных текстов. При этом его переводы естественно входят в литературную полисистему русскоязычной культуры, так как используют культурные архетипы последней. *Перспективным*, на наш взгляд, может стать анализ воссоздания образной системы Э. Дикинсон на русском языке.

Список литературы

1. Асланов Л. А. Культура и власть [Электронный ресурс] / Л. А. Асланов. — Режим доступа : <http://www.kara-murza.ru/vlast/KulturaVlast.html>.

2. Гордиенко Т. Н. Идиоматическая представленность концепта «успех» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Т. Н. Гордиенко. – М., 2008. – 22 с.
3. Духовные стороны христианства : энцикл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://serafimov.narod.ru/temmat/smert.html>.
4. История одежды и костюма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://suit-history.org.ua/rome.html>.
5. Пакер Дж. И. Кто такие пуритане и почему они нам нужны [Электронный ресурс] / Дж. И. Пакер. – Режим доступа : <http://www.reformed.org.ua/2/54/Packer>.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.ru/slovo/56249.html>.
7. Эмили Дикинсон. Стихотворения [Электронный ресурс] / Эмили Дикинсон. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi2.txt>.

Резюме

У статті аналізується образ смерті у віршах Е. Дікінсон і його передача російською мовою А. Грішиним. Знайдено наступні тотожності: смерть – успіх, смерть – загін для скоту, смерть – ніжність. Робиться висновок про використання А. Грішиним архетипів російської культури.

Summary

The article deals with the image of death in E. Dickinson's poems and its rendering into Russian by A. Grishin. The following equalities have been found: death = success, death = fold, death = tenderness. The author comes to the conclusion that the translator used several archetypes of Russian culture.